

Воропаев Николай Николаевич, канд. филол. наук
Отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии
Институт языкознания РАН
voropaev@vokitai.ru

ФЕНОМЕН КЛАССИЧЕСКИХ ПРЕЦЕДЕНТОВ ДЯНЬГУ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье анализируется феномен китайского языка и культуры дяньгу (классический прецедент). Новые идеи современного китайского общества часто основаны на классических прецедентах древности. Автор приводит примеры использования дяньгу лидерами Нового Китая.

Ключевые слова и фразы: китайский язык, дяньгу (классический прецедент), цитата, афоризм, аллюзия, прецедентность, интертекстуальность.

Nikolai N. Voropaev, PhD
Department of East and South-East Asia Languages,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
voropaev@vokitai.ru

THE PHENOMENON OF CLASSICAL PRECEDENTS DIANGU IN CHINESE LANGUAGE AND CULTURE

Abstract. This paper addresses the phenomenon of Diangu (classical precedents) in Chinese language and culture. New ideas that emerge in contemporary Chinese society often go back to classical precedents rooted in antiquity. The author provides examples of Diangu usage by New China leaders.

Keywords and phrases: Chinese Language, Chinese Discourse, Diangu (Classical Precedent), Quotation, Aphorism, Allusion, Precedence, Intertextuality.

В китайском языке и культуре, полагаем, особого внимания заслуживает феномен дяньгу. Термином традиционной культуры Китая дяньгу (典故 diangu) обозначают классические прецеденты, сюжеты, цитаты из классических источников, афоризмы, крылатые слова и выражения [6, с. 658].

Если проанализировать статьи многочисленных словарей дяньгу, то можно сделать вывод, что все они включают единицы, которые в своём большинстве 1) носят устойчивый характер и регулярно воспроизводятся в речи; 2) разворачиваются до рамок небольшого текста; 3) всегда связаны с какими-либо известными личностями и событиями (историческими или вымышленными); 4) именуют какое-либо событие (ситуацию, явление) или персонажа. Всё выше указанное, полагаем, позволяет соотносить понятие дяньгу с понятиями прецедентный феномен, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация [3, с. 10].

Как пишут составители «Словаря часто используемых дяньгу», термин дяньгу имеет давнюю историю употребления. Самое раннее его употребление зафиксировано в книге «История династии Поздняя Хань – Жизнеописание восточного князя Цана» (династия Поздняя Хань 25-220 гг. н.э.). В книге есть такая фраза: «Снисходительно, вежливо относился к чиновникам, часто устраивал княжеские пиры, каждый раз в новом наряде и в

новых украшениях выступал перед чиновниками и кланялся княгине. Так сам князь и его пиры стали *дяньгу* [классическими прецедентами]». Второй раз термин *дяньгу* встречается несколько сотен лет спустя в книге «История Династий северных царств – Жизнеописание Синшао»: «На собраниях высших чиновников, когда речь заходила о *дяньгу*, то Шао брал кисть и сразу же письменно цитировал соответствующие каноны и обращался к соответствующим классикам». Опираясь на эти примеры, авторы словаря заключают, что «термин *дяньгу* обозначает классические примеры и исторические факты (события), прецеденты. В современном китайскоязычном дискурсе значение термина *дяньгу* расширилось, сейчас этим словом обозначают все встречающиеся в дискурсе высказывания и наименования исторических событий из древней литературы» [15, с. 1].

Опираясь на личный опыт общения с китайцами, можем сказать, что в речи китайцы могут обозначить термином *дяньгу* изображение какого-либо исторического или мифологического сюжета.

Авторы «Малого словаря зарубежных *дяньгу*» в предисловии к словарю, ссылаясь на «Словарь современного китайского языка», дают *дяньгу* следующее определение: «сюжеты или слова, фразы из древних книг, цитируемые в поэзии или прозе». Далее авторы, ссылаясь на «Большой англо-китайский словарь», пишут, что «написанное и сказанное, где обильно употребляются *дяньгу*, можно перевести как *аллюзивный*. Из этого следует, что *дяньгу* можно перевести как *аллюзия*» [12, с. 1]. Приведём определение аллюзии, принятое в российской языковедческой науке: «аллюзия, приём употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт – это стилистическая фигура референциального характера, опирающаяся на экстралингвистические пресуппозиции говорящего и слушающего, автора и читателя, на историко-культурный компонент их фоновых знаний» [1, с. 89].

Как показывают факты, термин *дяньгу* самим своим существованием показывает и доказывает, что с древности китайскоязычному дискурсу присущи интертекстуальность и прецедентность. И сейчас этот термин, покрывая все понятия прецедентных феноменов китайскоязычного дискурса, выделяется нами как базовый элемент терминологической системы теории прецедентности применительно к китайскоязычному дискурсу. Причём этот термин, полагаем, релевантен для любых дискурсивных манифестаций прецедентного характера, включая и экстралингвистические аспекты. Здесь мы имеем в виду, что словом *дяньгу* в китайскоязычном дискурсе могут обозначаться как языковые единицы, так и культурные артефакты (например, картины, статуэтки) и исторические события, актуализирующие прецедентные феномены китайскоязычного дискурса. В этом мы также убедились после анализа альбома «Редкие китайские народные картины из советских собраний», в котором представлено большое количество картин, актуализирующих классические прецеденты китайскоязычного дискурса [4] и альбома «Город Таншань», где в предисловии об истории этого города в провинции Хэбэй слово *дяньгу* употребляется с глаголом 发生 *fasheng* ‘произойти’: ‘不食周粟’、‘老马识途’等典故都发生在这里。‘Не желать есть хлеб [династии] Чжоу [и предпочесть питаться папоротником] (образно в значении: оставаться верным свергнутой династии)’, ‘старый конь борозды не испортит (многоопытный)’ и другие исторические события (букв. *дяньгу*) произошли здесь’ [13, с. 1]. К разряду *дяньгу* китайские лингвисты также относят и многие широко известные фразеологизмы китайского языка [11, 15].

Солидный возраст термина *дяньгу* говорит о том, что прецедентность и интертекстуальность издревле присущи традиционной китайской филологии, в которой упор делался именно на комментарии к текстам, а поэзия и многие произведения других форм строились на основе интертекстуальности и прецедентности. Как справедливо заметил М.В. Софронов, «для китайской культуры характерно, что классический текст в литературном произведении редко цитируется прямо. Он используется главным образом как основание для

метафоры, смысл которой понятен только тем, кто знаком с соответствующим текстом» [10, с. 392-393].

Об этом же писали Н.В. Солнцева и В.М. Солнцев: «...формирование национальной филологической традиции в Китае было обусловлено вовсе не только особенностями китайского языка, но и другими факторами, а именно потребностью толковать и комментировать древние тексты. Это последнее, в свою очередь, было обусловлено теми историческими традициями китайского общества, согласно которым знание древности и, соответственно, древних текстов считалось одной из высших ценностей. Как известно, в Китае господствовало представление о том, что эталоном образцового государственного устройства была та система государства, которая существовала в древности и описанию которого практически были посвящены все каноны и философско-этические трактаты. Именно поэтому институт административной власти, введя специальную систему экзаменов (в основе которой было заложено доскональное знание канонов, умение их комментировать и писать сочинения на заданную в соответствии с этими канонами тему), обеспечивал сдавшему экзамены чиновничью должность. Таким образом, в Китае сохранялись и знание древности, и связь времён. Человек, стремящийся к занятию должностей, должен был быть филологически образованным. Устанавливалась связь филологии и власти. В итоге складывалась не только филологическая «власть», но и власть самой филологии» [9, с. 117].

Политики Китая новейшего времени также уделяют большое внимание классическим прецедентам и используют их в своей деятельности по управлению государством и в коммуникации с народом.

Новые идеи современного китайского общества часто основаны на прецедентных феноменах, имеющих большой возраст. Вот что пишет по этому поводу известный российский китаевед Л.П. Переломов: «Из всех лидеров КПК наиболее признанным, и вполне обоснованно, знатоком канонов считался Мао Цзэдун. Если Мао Цзэдун использовал каноны в сугубо конкретных политических целях, то Дэн Сяопин подошёл к тем же канонам более масштабно. Он сумел заимствовать из тех же конфуцианских канонических текстов именно то звено, за которое вытащил всю конфуцианскую цепь, необходимую для модернизации Китая. Введя первую социальную утопию Конфуция – «сяокан» (小康 *xiao kang* ‘средний’ достаток’ или ‘малое благоденствие’), но уже в дополнительной трактовке Мэн-цзы, с упором на экономическую составляющую, в качестве символа модернизации, он тем самым вернул страну на конфуцианские цивилизационные рельсы, придав идее китайского социализма новый импульс не только теоретического, но и сугубо прагматического развития» [7, с. 75].

Хотя с самого начала реформ и создания общества «сяокан» имя Конфуция в КНР не упоминается, в руководящих и научных кругах в КНР признаётся, что основы нового содержания в идеологему «сяокан» (малое благоденствие) внёс Дэн Сяопин [5, с. 8].

Величие Дэн Сяопина заключается в том, что он предоставил своим последователям широкие возможности для дальнейшего теоретического развития концепции «социализма с китайской спецификой», но с учётом ценностей, заложенных в конфуцианских канонических текстах.

В начале 2001 года Цзян Цзэминь впервые призвал в управлении страной сочетать «принцип управления на основании закона» («и фа чжи го») с принципом «управлять на основе Дэ (морали)» («и Дэ чжи го»). Конкретным воплощением этого принципа стала принятая в канун XVI съезда КПК «Программа укрепления норм гражданской морали». Из 40 пунктов Программы многие имеют прямое или косвенное отношение к конфуцианским ценностным ориентирам, некоторые из них претерпели существенное переосмысление.

В своих программных выступлениях Ху Цзиньтао, творчески развивая конфуцианскую составляющую в идеологии КНР, оперирует терминами из концепции «гуманного правления» Мэн-цзы, а также теории «породнения с народом» («цинъ минъ») из «Да Сюэ»

(«Великое учение», 2-я книга конфуцианского «Четверокнижия» – Н.В.), с которого и начинается «Четверокнижие» [8, с. 73].

«15 октября 2004 г. в Доме народных представителей в Пекине на Первой всекитайской конференции по подведению итогов внедрения в школах программы заучивания наизусть текстов из конфуцианских канонических канонов, выступая перед многочисленными делегатами, представлявшими не только все провинции Китая и 50 крупных городов, но и китайские диаспоры Юго-Восточной Азии и остальных частей мира, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Сюй Цзяло сосредоточился на том, что в период глобализации, когда по всему миру идёт процесс навязывания американских ценностей, единственным способом сохранения Китая и его цивилизации является воспитание молодёжи в духе национальных духовных ценностей, которые сосредоточены именно в конфуцианских канонических текстах. Перед делегатами выступало несколько групп школьников, которые цитировали наизусть отрывки из прецедентных текстов китайскоязычного дискурса «Лунь юй», «Да Сюэ», «Мэн-цзы», «Чжун юн» (книги «Четверокнижия» – первой части конфуцианского канона – Н.В.).

В настоящее время лидеры Коммунистической партии Китая и КНР восстанавливают на новом уровне традиционную систему образования, ибо именно в ней они видят одну из надёжных гарантий воспитания подрастающего поколения в духе активных и сознательных строителей социализма с китайской спецификой» [8, с. 73].

Начиная с 18 Съезда Коммунистической партии Китая (8-15 ноября 2012 года) в серии важных выступлений, статей, интервью и бесед Председателя КНР Си Цзиньпина сформировался особый индивидуальный стиль коммуникации китайского лидера, который нравится людям. Основная причина того, что стиль выступлений Си Цзиньпина так очаровал китайцев в том, что он умело использует древнюю классическую литературу, известные выражения из канонических книг Китая. От философских работ и трактатов древности по разным отраслям до танской поэзии и сунских *цы*, от Конфуция до Мао Цзэдуна, он широко использует цитаты и, тем самым, делает изящные завершающие речь штрихи, подчеркивает самое существенное. Такие единицы речи всегда дают людям почву для размышлений, вызывают к душевному порыву.

В связи с этим в 2015 году в Китае был опубликован замечательный сборник под названием «Си Цзиньпин использует дянь (классику)» [14]. Под односложным словом 典 *дянь* здесь скрывается термин традиционной китайской культуры *дяньгу* 典故 ‘классический прецедент’ [3, с. 10]. Сборник составлен отделом комментариев и рецензий газеты «Жэньминь жибао». В сборнике анализируются 235 цитат из древних книг Китая.

Автор предисловия к сборнику господин Ян Чжэнью также процитировал Си Цзиньпина: «только помня историю, можно открывать будущее, только умея наследовать, можно создавать новое» [14, с. 1].

15 ноября 2012 года на брифинге для журналистов, к которому было приковано внимание всего мира, только что вступивший в должность Председателя КНР Си Цзиньпин своей простой искренней речью взволновал многих. Он в частности сказал: “与人民心心相印、与人民同甘共苦、与人民团结奋斗，夙夜在公” ‘*быть с народом родственными душами, делить с народом радость и горе, сплотиться с народом в приложении усилий, работать с величайшим прилежанием*’. После этого выступления выражение 夙夜在公 ‘*работать с величайшим прилежанием*’ стало самым частотным в китайских СМИ. Это выражение из “Книги песен” (“Ши цзин”) (诗经·召南·采芣), составление которой традиционно приписывается Конфуцию (ок. 551-479 до н.э.).

История – лучший учебник. Си Цзиньпин также сказал, что «каждый народ, каждая страна должны знать кто ты есть, откуда ты пришёл и куда идёшь, и поняв это, надумав и разобравшись с этим, надо непреклонно идти вперёд к цели. Китайская культура имеет

долгую историю, и накопила в течение продолжительного периода времени глубинные духовные запросы китайской нации, она выражает самобытные духовные смыслы и ориентиры китайской нации» [14, с. 1]. Например, политические амбиции в китайской культуре выражает цитата “先天下之忧而忧，后天下之乐而乐” ‘*первые в тревогах Поднебесной и последние в её радостях (в значении чувствовать озабоченность о стране, принимать к сердцу страдания народа)*’. Эти слова из произведения государственного деятеля и писателя эпохи Сун Фань Чжунъяня (989-1052 гг.) “Записки о Юэянской башне” (宋·范仲淹《岳阳楼记》). Переживания о служении Родине передаются высказыванием “苟利国家生死以，岂因祸福避趋之” ‘*во благо Родины святой отдать без сожаления жизнь свою*’. Эта цитата из произведения Линь Цзэсюя (清·林则徐《赴戍登程口占》). Здесь необходимо отметить, что многие цитаты из классических источников, сами по себе являющиеся прецедентными высказываниями, актуализируют большое количество прочих прецедентных феноменов, прежде всего имена прецедентных персонажей, которые их создали, а также прецедентные ситуации, тексты и другие высказывания [2, с. 6]. Линь Цзэсюй (1785-1850 гг.) – знаменитый государственный деятель, национальный герой Китая, запретивший опиум. Идея великодушия, справедливости в восприятии мира циркулируют в китайском культурном пространстве в виде *дяньгу* “富贵不能淫，贫贱不能移，威武不能屈” ‘*деньги и почёт не сокрушат его, нужда и низкое положение не изменят его, сила не сознёт его*’. Эта цитата из произведения философа Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.) (《孟子·滕文公下》). Преданность и самоотверженность поддерживаются в китайскоязычном дискурсе выражением “鞠躬尽瘁，死而后已” ‘*отдавать все свои силы и энергию, пока не перестало биться сердце*’, которое родом из произведения государственного деятеля периода Троецарствия Чжугэ Ляна (181-234 гг.) “Второй меморандум о выступлении войск в поход” (三国·蜀·诸葛亮《后出师表》) [14, с. 1].

Все эти классические цитаты и прецедентные сюжеты передают духовные гены китайской нации, это наша самая мощная мягкая сила культуры [14, с. 2].

Далее составители книги пишут: «из такого с душой и умелого использования *дяньгу* мы можем понять и прочувствовать сердцем главную идею, выраженную следующими словами из “Дао дэ цзина” (“Канон Пути и благодати”, написан в IV в. до н.э.): “以百姓之心为心” ‘*за центр внимания принимаются желания народа*’. Мы можем также понять что такое политический разум из *дяньгу* “执古之道以御今之有” ‘*держаться своего традиционного пути и руководствоваться заветами предков сегодня*’ (выражение также из “Дао дэ цзина”), и можем понять что такое деловитый прагматичный дух, осознав *дяньгу* (цитату) из “Дао дэ цзина” “天下大事必作于细” ‘*большие проблемы Поднебесной надо сделать маленькими*’» [14, с. 3].

«Что такое бескорыстие коммуниста? Что такое стратегическое мышление руководителя? Читайте между слов и строк, и всё само собой разумеется», – пишут составители книги [14, с. 3]. «За использованием классических цитат (*дяньгу*) стоит понятие “治世” *чжи ши* ‘управление государством’. Что применить? Как применить? Каков будет эффект? Это всё отражение и преломление способности руководить, идеологии управления, стиля управления, и в то же время применение мудрости управления древних в управлении модернизацией в современной практике» [14, с. 3].

Данные примеры показывают, что такое активное использование в современном китайскоязычном дискурсе национальных прецедентных феноменов обеспечивает сохранение исконной национальной самобытности и существование вневременного идеологического пространства. Это в свою очередь становится возможным благодаря языковой преемственности, которая базируется на длительной культурной, письменной и литературной традиции.

В заключение можно сказать, что активное использование в китайскоязычном дискурсе национальных прецедентных феноменов *дяньгу*, является характерной особенностью членов китайского лингвокультурного сообщества, подкрепляющей их гордость за свою культуру, страну, нацию. Широко распространённый феномен существования названий событий древней истории и событий, описанных в выдающихся литературных произведениях древности в форме фразеологических единиц, большое количество фразеологизмов разного типа, связанных с *дяньгу* или являющихся *дяньгу* – всё в китайском обществе направлено на формирование аксиологически чёткой единой системы мышления и осознания себя в этом мире.

Литература:

1. Арнольд И.В. Импликация как приём построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. – 1982. - № 4. – С. 83-91.
2. Воропаев, Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе [Текст] / Н.Н. Воропаев Дис. ... канд. филол. наук. – Москва.: 2012. – 315 с.
3. Воропаев Н.Н. Китайскоязычный прецедентикон. – LAP LAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG Saarbrücken, Deutschland/Германия, 2013. – 448 с.
4. Гусаров В.Н., Сюй Гуйцзинь. Редкие китайские народные картины из советских собраний. Редакторы В.Н. Гусаров, Сюй Гуйцзинь. – Ленинград: Издательство Аврора, 1991, Пекин: Издательство Народное искусство, (206 иллюстраций), 1991.
5. Наумов И.Н. Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия и перспективы // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Тезисы докладов XV Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27-29 сентября 2005 г.). Часть I. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 8-13.
6. Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. Т. 1-4. М., 1983-1984.
7. Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. – М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1998. – 588 с.
8. Переломов Л.С. Лидеры КПК и конфуцианские канонические тексты (Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао) // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Тезисы докладов XV Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27-29 сентября 2005 г.). Часть II. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 73-76.
9. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. О смене научных парадигм в китайском языкознании // Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию (Москва, 28-29 июня 1994 г.)/ Институт языкознания РАН. – М.: 1995. С. 115-123.
10. Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 638 с.
11. Li Hanwen 中华典故 // 李翰文编著. – 沈阳: 万卷出版公司, 2007 年. Zhonghua diangu // Li Hanwen bianzhu. – Shenyang: Wanjuan chuban gongsi, 2007 nian. (Дяньгу [классические прецеденты] Китая // Сост. Ли Ханьвэнь. – Шэньян, 2007. – 341 с.)

12. Lin Shuwu 外国典故小词典 // 林书武主编. – 上海: 上海辞书出版社, 2004 年. (Малый словарь зарубежных дянью (классических прецедентов) // Под ред. Линь Шуу. – Шанхай, 2004. – 426 с.)

13. Tangshan shi renmin zhengfu 唐山抗震三十周年艺术纪念册 // 唐山市人民政府赠. – 唐山: 中共唐山市委, 2007 年. Tangshan kang zhen sanshi zhounian yishu jiniance // Tangshan shi renmin zhengfu zeng. – Tangshan: Zonggong Tangshan shiwei, 2007 nian. (Художественный альбом в память о землетрясении, произошедшем 30 лет назад // Подарочный экземпляр от Народного правительства города Таншаня. – Таншань, 2007)

14. Xi Jinping yong dian 习近平用典/人民日报评论部编著. – 北京: 人民日报出版社, 2015.4. Xi Jinping yong dian / Renmin ribao pinglunbu bianzhu.– Beijing: Renmin ribao chubanshe 2015.4. (Си Цзиньпин использует дянью // Сост: отдел комментариев и рецензий газеты “Жэньминь жибао”, с комм. Ян Лисиня. – Пекин: Изд-во Жэньминь жибао, 2015. – 306 с.)

15. Yu Shi 常用典故词典 // 于石等编. – 新 – 版. – 上海: 上海辞书出版社, 2007 年. Changyong diangu cidian // Yu Shi deng bian. – xin – ban – Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2007 nian (Словарь активно употребляемых дянью (классических прецедентов) // Сост. Юй Ши и др. – Шанхай, 2007. – 479 с.)